

Шахтерские забастовки 1989 года в СССР и некоторые размышления по поводу нынешней ситуации в рабочем движении.

«Это все равно, что смиренная лошадь...Ездит, ездит лошадь смиренно и благообразно – и вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет; отчего это с ней приключилось, кто ее разберет: быть может, укусил ее овод, быть может, она испугалась чего-нибудь, быть может, кучер (!) как-нибудь неловко передернул вожжами. Разумеется, эта экстренная деятельность смиренной лошади протянется недолго: через пять минут она остановится и как-то странно смотрит по сторонам, как будто стыдясь за свою выходку»

Чернышевский Н.Г. Полн. Собр. VII, 877, 881-882

Данная статья посвящена памяти героической борьбы советских шахтеров за свои права и классовые интересы в период 1989-90 годы.

Данная статья представляет собой также попытку понять, почему цели, которые ставили перед собой шахтеры в тот период, оказались не достигнутыми, результаты их борьбы оказались неожиданными для самих шахтеров, а этими результатами в свою очередь воспользовались политические авантюристы и правящий класс советской партхозноменклатуры.

В целом, статья представляет собой попытку беспристрастно проанализировать события, связанные с шахтерскими забастовками 1989-90 г.г., и их последствия, хотя беспристрастность тяжело дается автору статьи, который участвовал тогда в борьбе на стороне шахтеров и оказался в 1990 е годы примерно в том же экономическом и социальном положении, что и основная масса самих шахтеров.

Поскольку статья являет достаточно развернутую картину событий тех лет и включает анализ различных аспектов рабочего движения, автор позволил себе разделить ее на некие «главы», каждая из которой посвящена отдельной странице истории и современного состояния рабочего движения, в том числе и шахтерского, и которые главами в подлинном смысле слова можно не считать.

Кроме того, автор, участвующий в рабочем движении на протяжении последних двадцати лет, не претендует на истину в последней инстанции, и

вовсе не уверен, что с его «поспешными» выводами в конце данной статьи многие согласятся.

Итак,

Глава 1

Предыстория

Те, кто был молод в 1989 году, и даже дожил до наших дней, став свидетелем распада нашей «великой Родины» СССР, не забудет событий периода «Перестройки». В том числе и тех, что были связаны с мощным ростом рабочего движения.

То были удивительные времена.

М.С. Горбачев и руководство КПСС пытались реформировать экономическую и политическую систему СССР, которая к тому времени оказалась в глубоком кризисе.

Этот кризис был порожден всей предыдущей историей СССР.

Рост советской экономики в силу ряда объективных причин остановился в 1970 году и начал стабильно снижаться.

Это в свою очередь породило массу социальных проблем, обостривших те, которые возникли еще ранее и остались неразрешенными.

Одной из таких проблем были советская угледобывающая промышленность и так называемые «градообразующие города», в том числе шахтерские поселки.

В позднюю советскую эпоху роль угледобычи снижалась.

Так, например, в 1960 г. уголь составлял 60% объема добычи ископаемого топлива, а в 1980 г. - только 20%.

В связи с этим не лучшим образом обстояли дела и в социальной сфере в шахтерских районах – расходы на социальные нужды советское государство постепенно и все быстрее сокращало.

Обострялась жилищная проблема.

По данным на начало 1989 года, в одном только Междуреченске, шахтерском

городе, где жили тогда 107 тыс. человек, более 10 тыс. семей стояли в очереди на получение жилья.

Многие шахтеры с семьями жили в общежитиях.

Кемеровская область (Кузбасс) занимала тринадцатое место по объему продукции и лишь сорок третье место по уровню обеспечения жильем. Отмечалась, в том числе и на официальном уровне, огромная нехватка больниц, школ, детских дошкольных учреждений, спортивных сооружений, театров других объектов социальной инфраструктуры.

Стали привычными перебои с водой и электроэнергией.

В статье «Забастовка шахтеров: впечатления, комментарии, анализ», написанной в 1989 году Дэвидом Манделем, профессором университета Монреаль (Канада), отмечалось, что «типичным подходом министерства к инвестициям в социальную сферу является, например, его решение жилищной проблемы для тысячи новых рабочих горно-обогатительной фабрики, возведенной недавно неподалеку от шахты «Распадская», кстати, самой большой в СССР. Не было выстроено ни одного здания»

Можно без преувеличения сказать, что во многом условия жизни в шахтерских городах напоминали условия жизни советских колхозов в более ранний период, когда судьба рядовых колхозников никак не интересовала правящую бюрократию.

Судьбы шахтеров – угольщиков для правящей советской бюрократии были не более, чем раздражающим фактором, который при случае можно было проигнорировать.

Все это в совокупности, и прежде всего экономический и социальный кризис советского общества, спровоцировало рабочий протест поздних 1980 х годов.

Надо отметить, что рабочий протест имело место в СССР и ранее, и даже в сталинский период, столь любезный сердцу тех, кто почитает Сталина и считает тот период «вершиной советской истории и истории социализма».

Этот протест был, однако ограничен наиболее обездоленными слоями рабочего класса в СССР – заключенными лагерей, или рабочими ГУЛАГа (Главного управления лагерей).

Известно, что ГУЛАГ был целой отраслью советской экономики, и весьма важной отраслью, создававшей изрядную часть прибавочного продукта советской экономики.

По некоторым данным, ГУЛАГ «предоставлял» рабочие места, по меньшей мере, 2 миллионам советских людей в период 1949-1953 г.г.

Условия труда там были на порядки хуже, чем даже в небольшом советском колхозе.

Для справки: в конце 1940-х – начале 1950-х гг. по предприятиям, принадлежащим к различным лагерям Главного управления советской исправительной системы, прошла волна забастовок. В основном это были угледобывающие предприятия «Воркуталага», «Каралага», Кузнецкого бассейна. Все эти забастовки были подавлены с использованием карательных отрядов, многие участники были расстреляны либо разосланы по разным лагерям с добавлением тюремного срока.

Не вдаваясь в подробности (есть, тем не менее, фактический материал, отражающий реальное состояние протестного движения, в том числе и рабочего, в СССР в период 1950-1985 г.г.), можно утверждать, что забастовки и акции протеста в тот период были вызваны самыми жестокими формами эксплуатации и угнетения.

В дальнейшем этот протест приобретал новые формы, кульминацией которых стали события в Новочеркасске в 1962 году, когда был открыт огонь по рабочим городских предприятий, вышедших на улицы города протестовать против резкого повышения цен на основные продукты питания и против социального бесправия.

1970-гг. называют по традиции «годами застоя». Прекратились открытые репрессии против тех, кто выражал недовольство. Однако советское государство не было бы самим собой, если бы вообще отказалось от каких-либо мер воздействия на недовольных.

В результате возникла и получила распространение практика направления активно недовольных в психиатрические больницы.

Среди тех, кто пытался протестовать, были и рабочие промышленных предприятий.

Были отмечены попытки создания независимых профсоюзов, о чем сообщалось в сводках КГБ и западными радиоголосами.

Однако это были единичные случаи и борьба одиночек против огромной машины, правда, быстро дряхлевшей в период после 1970 года.

Массового протестного организованного движения в период после 1965 по 1986 г.г. по сути, не было, хотя КГБ регистрировал факты скоротечных трудовых конфликтов в различных регионах страны.

Глава 2

Шахтеры

Что касается шахтеров и других работников угледобывающей промышленности, то на протяжении 1960-70 х годов, и начала 1980 х годов о каких-либо протестах среди них не сообщали даже «западные голоса».

Видимо, их и действительно не было.

Шахтеры вообще объявлялись советской пропагандисткой машиной чуть ли не самым «передовым отрядом» рабочего класса.

Слово «шахтер» гордо звучало с экранов телевизоров, статус шахтера был высок, по крайней мере, на словах и в лживых сводках советских органов информации, а средняя зарплата шахтеров – угольщиков составляла не менее 400 рублей, а кое где по регионам и выше (в Донбассе, например), что было куда более высоким доходом, чем у большинства работников промышленных предприятий в СССР, да и не только у них.

Однако несмотря на официальную весьма красочную лубочную картинку, ситуация в стране в целом, и в угольной промышленности в частности, быстро менялась, и менялась не к лучшему.

Рос уровень травматизма на шахтах, хотя о крупных катастрофах и происшествиях на шахтах и предприятиях в советских СМИ не сообщалось.

Нараставший вал социальных проблем в угледобывающих районах, например, нехватка жилья, о которой упоминалось выше, был усилен также «постепенным» наступлением дефицита продуктов и товаров народного потребления в магазинах.

Рос износ оборудования.

К концу 1980 х годов уровень износа инфраструктуры на шахтах в целом по советской угледобывающей промышленности составил не менее 40 %, и это несмотря на существенное союзное финансирование отрасли.

В целом, отрасль переживала отнюдь не самое лучшее время.

Проблема окружающей среды в угледобывающей отрасли представляла собой кровоточащую рану – загрязнение воздуха в районах угледобычи достигло запредельных уровней, что отражалось на здоровье людей, и прежде всего на детей, до 90 % которых в угледобывающих регионах страдали хроническими заболеваниями.

Принимали ли реально массы советских шахтеров в том «первом в мире государстве рабочих и крестьян» участие в принятии решений по поводу производства и реализации продукции?

Думаю, что тот, кто жил в то время и даже работал на шахтах, согласится, что этот вопрос излишен – такое участие было ограничено сидением их назначенных властями представителей в различных президиумах по торжественным дням и во время «выездов» на различные официальные мероприятия в столицы страны и за рубеж.

Впрочем, роль в советском обществе различных категорий «непосредственных производителей», в целом рабочего класса как «наиболее передового класса нашей эпохи» - особая проблема для многих левых исследователей – историков, социологов, всех тех, кто размышляет над общественной ролью рабочего класса.

Факт, однако, заключается в том, что эта роль и место промышленных рабочих в советском обществе были абсолютно подчиненными, несмотря на усиленную работу советской пропагандистской машины по созданию имиджа рабочего класса как «основного и ведущего класса советского общества».

Рабочий класс, в том числе и шахтеры, и другие категории советских трудящихся реально не участвовали в принятии решений по поводу производства, в управлении страной в целом, в определении политики «первого в мире государства рабочих и крестьян», «нашего общенародного государства», «общества развитого социализма», и пр.

Феномен отчуждения «непосредственных производителей» в СССР стал тем компонентом общественной жизни, который оказался одним из решающих факторов возросшей в годы перестройки протестной активности трудящихся.

Промышленный рабочий класс в СССР, «нашей Советской Родине», «первом в мире социалистическом государстве» и т.д. и т.п., отнюдь не являлся равноправным слоем населения ни экономически, ни политически, и уж тем более не выполнял каких-либо управленческих функций в том, потерянном нами безвозвратно «общенародном государстве».

История того, как рабочий класс в СССР был «самым передовым классом нашей эпохи» только в идеологических штампах КПСС, а на деле оказался наиболее угнетаемым и бесправным в обществе, заслуживает отдельной статьи и даже не одной.

Ограничимся пока только констатацией факта.

Глава 3

Начало движения

Такова в очень кратком виде предыстория шахтерских забастовок.

Спад, в котором оказалась советская экономика в 1980 х годах, не мог не сказаться на благосостоянии советских людей, включая различные категории «непосредственных производителей», т.е. промышленных рабочих.

Это вызывало протест с их стороны.

В условиях гласности и перестройки этот протест не мог не быть услышанным обществом, а в дальнейшем и одобренным им.

В том числе и теми слоями правящей бюрократии («партхозноменклатуры», «бюрократии» и т.д.), которые мыслили «новыми категориями и ценностями», понимая, что «жить и править по старому» было больше невозможно.

В дальнейшем эти слои сыграли весьма важную роль в повороте шахтерского движения и их лидеров в сторону принятия ими нелиберальных и антикоммунистических идеологических установок и принципов управления экономикой.

В 1986-1987 гг. был отмечен ростом числа забастовок и прочих трудовых конфликтов в СССР.

Конфликты различной длительности и напряженности имели место во многих отраслях промышленности и регионах страны, в том числе в крупных городах РСФСР, в Прибалтике, Закавказье и других республиках бывшего СССР.

Особенно много таких конфликтов происходило на предприятиях легкой промышленности, в строительстве, в горной промышленности.

В советских официальных органах массовой информации об этих трудовых конфликтах не сообщалось, они регистрировались только органами внутренних дел и КГБ. Все эти забастовки также были спонтанными и не сопровождались образованием стачечных комитетов. Они никак не были связаны друг с другом.

Вадим Борисов в своем исследовании «Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989-99 гг.))» пишет:

«Несмотря на репрессии, недовольство рабочих продолжало нарастать. При кажущейся неожиданности забастовка 1989 г. была подготовлена всем ходом предшествующих событий. Весной 1989 г., еще до шахтерской забастовки, принявшей характер всесоюзного выступления, по всей России прокатилась волна забастовок локального характера, в том числе и на угледобывающих предприятиях Кузнецкого и Печорского угольных бассейнов. Так, рабочие одной смены шахты «Северная» в Воркуте провели в начале марта подземную сидячую забастовку, протестуя против произвольного изменения величины их зарплаты. Эта забастовка переросла в краткосрочную голодовку с требованием прекратить работу по воскресеньям, ввести 6-часовой рабочий день, сократить управленческий аппарат, уволить директора, увеличить оплату за ночную работу, объявить о создании независимого профсоюза, единогласно названного «Солидарность». В городе прошли митинги поддержки, но забастовка прекратилась с наплывом партийных чиновников и быстрой уступкой некоторым требованиям рабочих [Труд. 1989. 10 март.; наши интервью; Ильин, 1998].

«Разбуженные» забастовкой воркутинские шахтеры собрались 10 июня, чтобы создать городской рабочий комитет.

Рой Медведев отмечает, что «ситуация изменилась существенно и неожиданно для властей страны летом 1989 года. По стране прошла небывалая в прошлом волна забастовок» [НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР В 1989-1991 ГОДАХ: НЕОЖИДАННОЕ НАЧАЛО]

Тот же автор пишет: «Весной 1989 года страну захлестнуло волной локальных забастовок, в том числе и на шахтах. Например, рабочие шахты "Северная" в Воркуте провели в марте того года забастовку, которая переросла в голодовку. Среди требований бастовавших были: запрещение работы по воскресеньям, введение 6-часового рабочего дня, сокращение управленческого аппарата, увеличение зарплаты. С подобными же требованиями прошли забастовки на двух шахтах в Междуреченске, а так же на отдельных шахтах в Кемерово, Осинниках и Ленинске-Кузнецком. Часть этих выступлений закончилась полной победой шахтеров» [Указ. статья].

Как видим, лозунги забастовщиков не несли в себе ничего специфически антисоветского или антикоммунистического или анти социалистического.

По крайней мере, на начальном этапе движения.

Ситуация, однако, вскоре начала меняться.

Характерна реакция властей, как местных, так и союзных, на начало массовых протестов.

Рой Медведев далее отмечает: «Кемеровский обком КПСС осудил забастовки и под угрозой исключения из партии запретил коммунистам в них участвовать. В заявлении обкома, в частности, говорилось: "Как показывают события последнего времени, лозунгами демократизации, гласности, расширения прав и свобод человека все чаще пользуются те, кто хотел бы превратить демократию в распущенность, беззаконие, вседозволенность. Об этом, в частности, говорят факты групповых отказов трудящихся от работы, имевшие место на предприятиях Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска, Осинников, Киселевска».

Далее события приняли оборот, неожиданный не только для властей, но и, видимо, для самих шахтеров.

Всеобщая волна забастовок на Кузбассе началась с города Междуреченска. 10 июля забастовала шахта им. Шевякова, откуда движение быстро перекинулось на другие шахты. Этой забастовке предшествовал длительный процесс подачи жалоб, петиций, столь знакомый многим советским людям, вступавшим на дорогу борьбы за свои права.

Рабочие начали формулировать требования к властям. Еще в конце 1988 года горняки направили письмо в телепрограмму "Прожектор перестройки". Основными содержащимися в нем требованиями были повышение зарплаты, сокращение управленческого аппарата, а так же улучшение питания, решение проблем с транспортом и т.д.

Эти требования как бы вдруг, в условиях Гласности, указывали странным образом на то, что советское общество не было обществом равноправия и социальной справедливости, где рабочий класс был в совокупности «правлящим классом».

В первые же дни забастовки шахтеры избрали забастовочный комитет и послали своих делегатов на шахты им. Ленина, "Томская", "Усинская" и "Распадская". Рабочие со всех шахт собрались на митинг на главной площади города и избрали городской забастовочный комитет. Этот комитет сразу же принял на себя властные полномочия. Им была запрещена торговля алкоголем, созданы рабочие дружины, которые следили за порядком. За время забастовки в городе не было совершено ни одного преступления. Алкогольные напитки можно было приобрести только с письменного разрешения забастовочного комитета в связи со свадьбой или поминками.

Так начиналось в СССР массовое рабочее движение.

Оно составило, вместе с национально-освободительным и правозащитным, общий поток освободительного движения.

Движение, возможность возникновения и массовость которого трудно было себе представить еще за год до этого.

Советские рабочие в массе своей вдруг почувствовали себя хозяевами положения, теми, кто смог заставить власть считаться с собой.

Без преувеличения можно сказать, что это был апофеоз советской истории, эволюции общественных процессов, протекавших в СССР в течение длительного периода.

Однако это был не просто апофеоз, это было начало конца СССР!

Глава 4

Повороты и зигзаги шахтерского движения

Судьба шахтерского и в целом рабочего движения того времени имела драматическое и неожиданное для многих завершение, о чем речь пойдет ниже.

Выше уже упоминалась некая роль представителей правящей партийно-хозяйственной советской номенклатуры в событиях того времени, как, впрочем, и последовавших за ними реформах.

Нет сомнения, что, например, Б. Ельцин, быстро набиравший к тому времени «политический вес» в обществе и государстве, ставший вскоре председателем Верховного Совета РСФСР и вступивший в конфликт с союзным руководством и лично с М. Горбачевым, всячески использовал шахтерские забастовки в борьбе за власть.

Можно без преувеличения сказать, что шахтеры в дальнейшем если и не стали решающей силой, приведшей Ельцина к власти, то, по крайней мере, сделали все, чтобы проложить ему туда путь.

Ельцин в наиболее «критические» для него дни борьбы за личную власть приезжал в районы трудовых конфликтов, выступал на митингах и других мероприятиях шахтеров, как это было в августе 1990 года в Новокузнецке.

Впрочем, все подробности истории того, как шахтеры, прежде всего кузбасские, косвенно и напрямую способствовали приходу к власти Ельцина и команды либералов, также заслуживают особого внимания, хотя данная статья и не ставит перед собой задачу осуществления глубокого исследования этого процесса.

Такой анализ уже был проделан многими исследователями рабочего и шахтерского движения в СССР периода 1989-91 г.г., например, И. Шаблинским, А. Шубиным, В. Борисовым, и др.

Можно только напомнить один из фактов событий тех дней, когда, например, часть представителей Совета рабочих комитетов Кузбасса установила контакт, а затем и тесное сотрудничество с «демократами» и рядом их лидерами из МДГ во главе с Б. Ельциным.

В июне 1990 года, после успешных массовых выступлений шахтеров, они имели встречу с тогдашним лидером Межрегиональной депутатской группой, председателем Верховного Совета РСФСР Б.Ельциным.

Эта встреча стали одной из решающей в дальнейшем исходе борьбы.

Некоторые лидеры рабочих комитетов Кузбасса, в марте 1991 года заявили о создании Координационного совета стачечных комитетов. Такие действия были нарушением принятых в феврале 1991 года на совместном заседании представителей организаций Независимого профсоюза горняков и забастовочных (стаечных) комитетов решений о характере требованиях и способах ее координации.

Оказавшись в руководящих органах забастовки шахтеров марта-апреля 1991 года, эти «лидеры» сумели навязать свое мнение о необходимости выдвижения политических требований отставки президента СССР, а не требований о заключении Генерального типового тарифного соглашения между шахтерами и Правительством СССР и введения элементов повременной оплаты труда.

Одно из основных требований Второго съезда шахтеров СССР – установление тарифной ставки шахтера в размере реального прожиточного минимума работника занятого тяжелым физическим трудом, включающего в себя затраты на: оплату расходов на питание и непродовольственные товары, оплату различных услуг и обязательных платежей, сборов (в том числе оплаты услуг ЖКХ) и иных расходов, необходимых для поддержания работника в общественно нормальном состоянии жизнедеятельности, и для содержания его семьи, было этими «лидерами» проигнорировано.

Таким образом, общесоюзная забастовка шахтеров из экономической превратилась в политическую, а ее результатами воспользовались в первую очередь политики, а не шахтеры – наступило время распада Советского Союза со всеми вытекающими из этого последствиями.

Можно, также, привести слова Юрия Болдырева, одного из лидеров шахтерского движения Донбасса в тот период: «Ельцин опирался на Кузбассовские стачкомы и именно они стали той силой, которая позволила ему сломать СССР» [<http://www.segodnya.ua/news/14062116.html>].

Интересны судьбы некоторых лидеров шахтерского движения Кузбасса тех лет:

Александр Луговой, руководитель рабочей группы по проекту Закона о коллективных договорах, впоследствии стал заместителем руководителя Гострудинспекции;

Иван Шошвиашвили – первоначально шахтер, затем стал активистом одной из коммунистических партий про советской направленности (своего рода уникал ! – примечание мое);

Александр Косопкин, до избрания - машинист электровоза, впоследствии стал руководителем Управления внутренней политики Президента РФ, с 2004 г. - представитель президента РФ в Государственной Думе; (куда лучше быть представителем президента в думе, чем машинистом паровоза и электровоза – примечание мое)

Сергей Андропов после октября 1993 г. стал руководителем Гострудинспекции по Московской области (тоже «из грязи да в князи» - примечание мое);

Владимир Маханов был руководителем комитета Госдумы по собственности и приватизации (большое достижение в жизни ! – примечание мое);

Анатолий Малыхин - шахтер, экономист. Ушел в отставку с поста представителя президента России в Кемеровской области в 1997 году. Некоторое время входил в партию "Союз правых сил", затем вышел из нее. В настоящее время - генеральный директор некоммерческого партнерства "Содружество энергетических городов" (тоже неплохо для семьи и дома! – примечание мое);

Михаил Кислюк - был экономистом шахты, секретарем партийной организации разреза; с 1989 года стал одним из лидеров шахтерского движения;

в 1990 году был выбран народным депутатом РСФСР, участвуя в деятельности депутатской группы «Демократической России», и депутатом Кемеровского областного совета, затем был выбран председателем исполкома Конфедерации труда (до 1990 года);

стал главой администрации Кемеровской области, в 1990 е годы возглавлял приватизацию в Кузбассе, в том числе и в угольной промышленности;

в настоящее время занимается бизнесом и руководит общественной организацией "Профцентр";

в отношении его коммерческой деятельности в последние годы правоохрнительными органами проводились расследования (это – самый интересный пример- пример неумной энергии на ниве государственного строительства, и вообще, высшее проявление заботы о государственных интересах, не оцененное еще потомками, в том числе и потомками рядовых шахтеров – примечание тоже мое);

Юрий Болдырев, лидер шахтеров Донбасса – был депутатом Верховной Рады Украины от Партии Регионов, в настоящее время пенсионер (неудачник! – примечание мое).

Власть (бюрократия) всячески стремилась взять под контроль спонтанное, но столь мощное движение, потрясшее всю страну, и во многом в этом преуспела.

Итогом событий стало то, что власти в целом, в том числе и местным кланам правящей бюрократии, удалось взять ситуацию под контроль так же, как и воспользоваться ею в своих интересах в ущерб интересам самих шахтеров.

В тот период, параллельно шахтерским выступлениям, наиболее дальновидные представители правящей «партхозноменклатуры», уже давно переставшие ассоциировать себя с рабочим классом и его интересами, окончательно поняли, что они могут раз и навсегда (?) взять ситуацию под контроль, используя шахтеров как таран в борьбе за экономическую и политическую власть.

Эти «дальновидные» представители правящего в СССР класса быстро осознали свои подлинные классовые интересы.

Приставка «парт» в этом странном, порожденным советской историей слове «партхозноменклатура», оказалась на определенное время для них излишней.

Большей ее части оказалась не нужна ни КПСС, ни «социалистический выбор» как неотъемлемый фетиш официальной советской идеологии.

Всем этим можно было уже пожертвовать для удовлетворения куда более далеко идущих интересов.

Местные власти, первоначально растерявшись перед мощным импульсом шахтерского движения, быстро сообразили, что из этого можно извлечь пользу. Они заявили о своей поддержке бастующих и принялись усиленно обвинять во многих грехах Москву и союзный центр. Кроме того, местная администрация и руководство шахт, выступая от имени рабочих перед министром Щадовым, фактически подменили требования горняков своими, главным из которых было требование экономической независимости предприятий (в тот момент рабочие нигде не выдвигали ничего подобного). Таким образом, бюрократия использовала рабочее движение в своих классовых корыстных целях.

Вадим Борисов в той же книге «Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989-99 гг.)» пишет по этому поводу: "Как только забастовки вышли за пределы отдельных шахт, местные власти моментально присовокупили свои интересы, осторожно помогая шахтерам и добавляя свои собственные требования к их требованиям. В результате многочисленные жалобы угольщиков были быстро сведены к

одному центральному требованию перевода шахт на самофинансирование за счет повышения цен на уголь, хотя это не фигурировало в изначальных требованиях шахтеров».

Вскоре забастовка перекинулась и на другие города Кузбасса - Осинники, Прокопьевск, Новокузнецк, Киселевск, Белово, Ленинск-Кузнецк, Кемерово, Березовский, Анжеро-Судженск. Везде события шли по сценарию Междуреченска. Требования рабочих почти везде были одинаковыми, и везде бюрократия, выступая от имени рабочих, протаскивала свои требования к Москве.

Шахтеры в массе своей, оставаясь некомпетентными во многих экономических вопросах, по сути, во всей их совокупности, и не получив в течение длительного советского «героического» периода истории возможности приобрести опыт классовой борьбы, не получив хорошей «прививки» здорового недоверия политикам всякого сорта, оказались на удивление восприимчивыми к лозунгам различного рода политических проходимцев и авантюристов, а также «своих собственных» начальников, многие из которых, к тому же, сами вышли из шахтерской среды.

По сути, именно в этом факте можно и нужно искать одну из основных причин потери шахтерами контроля над ситуацией, уступки в дальнейшем ими реального контроля над нею, очень кратковременного и скоротечного, отдельным слоям правящей бюрократии, дальнейшего спада массового движения, его перерождения, его заката в 1990 е годы.

Одну из основных, но не единственную.

Однако, как уже было отмечено, первоначально ни о каком «антисоветском» или «антисоциалистическом» характере их выступлений не было и речи.

Интересно то, и это отмечают все авторы и исследователи, занимавшиеся историей шахтерского движения, что попытки представителей "демократических" организаций (Народный Фронт Литвы, затем Саюдис, Демсоюз и др.) вести агитацию среди забастовщиков повсеместно проваливались с треском. Шахтеры просто не допускали их летом 1989 года на трибуну митингов, а в некоторых случаях рабочие дружины даже изгоняли "демократов" из городов.

События, однако, стремительно развивались, и вовсе не по сценарию самих шахтеров.

«Так, например, когда забастовка (в 1989 г.) охватила весь регион, встал вопрос о создании регионального забастовочного комитета. Он был сформирован на собрании представителей местных комитетов в Прокопьевске, в составе 26 человек. **Стремившаяся получить полный контроль над движением, чтобы сначала перевести его в нужное**

для себя русло, а потом и вовсе свести на нет, местная бюрократия всячески старалась с одной стороны расколоть забастовщиков, оторвав рабочих лидеров от основной массы, а с другой - протащить своих людей в забастовочные комитеты. Во многом ей это удалось (*выделение мое*)

Председателем регионального забастовочного комитета был избран представитель "прокопьевского клана" Теймураз Авалиани, народный депутат Верховного Совета СССР и заместитель директора по капитальному строительству в ведомстве "Кузбассуголь". Позже он стал широко известен как «коммунист». Но тогда, 8 августа 1989 года, выступая на пленарной сессии обкома, посвященной итогам забастовки, Авалиани открыто призывал к скорейшему **переходу к рыночной экономике**.

18 июля было подписано соглашение между забастовочным комитетом и представителями правительства.

Правительство пошло на значительные уступки рабочим, но, с другой стороны, шахтеры, по этому соглашению, **должны были распустить свои забастовочные комитеты** (*выделение мое*). Уже вскоре движение пошло на спад. Забастовка была прекращена» [В. Борисов. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989-99 гг.).]

Факты, говорящие о многом...

Одним из феноменов шахтерского движения стал зарождение новых структур рабочего самоуправления в районах забастовок.

Таковыми структурами стали, помимо забасткомов и стачкомов, рабочие комитеты, а в дальнейшем – Союз Трудящихся Кузбасса и Съезды Рабочих.

17 июля 1989 г. шахтерами был сформирован Кемеровский областной стачечный комитет.

Чиновникам ЦК КПСС, Правительства СССР и советской «профсоюзной» федерации ВЦСПС пришлось садиться за стол переговоров с этим новым органом, созданным шахтерами.

Шахтеры, после окончания забастовки, сохранили на некоторое время (до прекращения существования СССР) забастовочные (рабочие) комитеты в городах и регионах. Они стали органами контроля со стороны рабочих за выполнением Постановления Совета Министров СССР от 3 августа 1989 г. № 608 «О мерах по обеспечению выполнения совместных решений, принятых правительственными комиссиями с участием ВЦСПС и забастовочными комитетами трудящихся угольных регионов страны» и региональных соглашений.

Забастовочные (рабочие) комитеты шахтеров в 89-90 годах были фактически параллельными структурами власти (*двоевластие?*). Ни одно важное

решение на предприятии или в местных органах власти не принималось без согласования с ними.

Забастовочные (рабочие) комитеты попытались изменить и работу профсоюзов. Выражая мнение шахтеров, они требовали от выборных профсоюзных работников перестроить свою работу, выйти из-под влияния КПСС, руководства предприятий и встать на сторону рабочих. Однако профсоюзы отказались перестраивать свою работу. Тогда представители забастовочных (рабочих) комитетов приняли решение о проведении всесоюзного съезда шахтеров.

Как видим, эти органы стали на какое-то очень недлительное время подлинными органами рабочей власти, которые взяли на себя функции управления в городах Кузбасса и некоторых других областей в момент паралича на местах государственной власти, прежде всего власти партийных комитетов, растерявшихся и оказавшихся неспособными оказывать влияние на события.

Новый подъем рабочего движения пришелся на 1990 год. Однако число бастовавших оказалось тогда намного меньше, чем в 1989 году.

Продолжили свою деятельность и созданные шахтерами структуры самоуправления.

16-17 июня 1990 года в Донецке прошел первый в истории СССР, съезд рабочих организованный самими рабочими. Подавляющее большинство делегатов были рабочие – в составе съезда на 80% были делегаты из рабочих и около 17% делегаты от инженерно-технического персонала.

Обсудив ситуацию в стране, в угольной отрасли и в профсоюзах, I-й съезд шахтеров СССР пришел к выводу, что шахтерам нужно иметь постоянно-действующее соглашение с Правительством. Съезд проголосовал за необходимость создания нового профсоюза и принял решение о проведении II-го съезда шахтеров. Он сформировал организационный комитет II-го съезда, поручив ему подготовить проекты документов, необходимых для создания профессионального союза.

I-й съезд шахтеров СССР принял заявление о том, что КПСС не представляет интересы рабочих.

«Так как рабочий, при руководстве страной КПСС, стал не хозяином страны, а остался в положении рабочей силы, а всякая попытка изменить этот статус – действия рабочих в соответствии с коммунистической идеологией, желающих быть коллективным хозяином – наталкивается на противодействие КПСС и администрации предприятий» [из документов Съезда].

Движение быстро политизировалось.

11 июля 1990 года, по решению I съезда шахтеров СССР была проведена однодневная политическая забастовка и в основных угледобывающих регионах СССР – Кузбассе, Донбассе, Воркуте и Караганде партийные комитеты КПСС начались выводиться с предприятий.

Второй съезд шахтеров СССР прошел 24-26 октября 1990 года в городе Донецке. На съезде присутствовало 814 делегатов. Съезд утвердил проект Генерального типового тарифного соглашения между шахтерами и Правительством СССР.

Затем съезд был преобразован в Учредительный съезд профсоюза горняков и, после продолжительных дискуссий, был учрежден Независимый профсоюз горняков СССР – за его учреждение проголосовало 642 делегата.

Далее ситуация осложнилась углублением кризиса, попыткой путча и ГКЧП, финальной драмой распада СССР.

Все те события не могли не сказаться на движении шахтеров и на рабочее движение в целом.

Рой Медведев отмечает, что «к лету 1991 года рабочее движение в СССР начало само собой стихать и сокращаться. Вся страна погружалась в кризис. Государство начало распадаться и никакие объединенные стачкомы или федерации трудящихся помешать этому не могли».

Советское «социалистическое» государство и его управленческая машина начали быстро разваливаться под прессом неразрешимых экономических проблем, а созданные незадолго до этого рабочие организации оказались бессильны повлиять на политические решения.

Развал советского государства нанес огромный удар по шахтерам и их движению, по их организациям, в том числе и по рабочим комитетам, которым большинство шахтерских лидеров приказало долго жить после заключения альянса с Ельциным, и по новым профсоюзам, по способности шахтеров к самоорганизации в новых условиях.

Выяснилось вдруг, что в условиях позднего СССР было относительно легко вступать в конфликт с начальством, но куда трудней оказалось вступать в какие-либо конфликты в период экономического коллапса и отсутствия инвестиций со стороны как распавшегося Союза, так и со стороны новых республиканских властей.

Шахтеры оказались беззащитны перед лицом новых обстоятельств, наступления которых они не могли предвидеть даже в страшном сне.

Как, впрочем, беззащитным оказалось и все население бывшего СССР, за исключением только той его части, да и то не всей, которая материально была готова к такого рода повороту событий и даже ждала его.

Этой частью «советского народа как новой социальной общности» стала номенклатура - как союзная, так и региональная.

А также, как показывают приведенные примеры, и часть бывших лидеров шахтерского движения.

Наступил конец советского периода истории, в том числе и истории его организованного рабочего движения.

Однако это был еще не конец рабочего движения вообще.

В России периода «судьбоносных» реформ 1990 х г.г., и в пореформенный период рабочее движение начало, практически с нуля, развиваться уже в новых условиях.

Глава 5

О политике, об «очаровании» рынком, и о силе мысли и слова, рожденных в чужих головах, но оказавшихся столь близким сердцам шахтеров и их лидеров

Еще несколько слов, в добавление к сказанному, о политической подоплеке и роли рабочего движения того времени в приходе к власти Ельцина и более поздних «младореформаторов».

Некто М. Дороненко в статье «Забастовка шахтеров Кузбасса в 1989 году», выложенной на сайте одной из троцкистских организаций, пишет следующее: «Нет сомнения, что Ельцин всячески использовал забастовки для борьбы за власть. Но проблема была не в "реакционности" рабочих, напротив движение рабочих носило подлинно революционный характер, о чем говорит, в первую очередь, факт создания ими революционных органов власти. Просто в тот момент не нашлось революционной марксистской партии, которая была бы способна повести за собой это движение против

всех фракций бюрократии. Поэтому демагогия Ельцина отчасти и имела успех».

Судя по всему, автор этих строк – «неисправимый» троцкист или какой-нибудь иного типа «пролетарский революционер».

Однако вряд ли можно согласиться с его «революционно - пролетарским» утверждением.

В массе своей рабочие, шахтеры в первую голову, отторгли идею новой «руководящей и направляющей» партии, тем более что перед ними был факт наличия такой партии, которая на словах была призвана защищать интересы рабочего класса, и против которой, по иронии судьбы, и было направлено острое шахтерских протестов.

Это была КПСС.

Они даже не пытались как то влиять на политику КПСС изнутри, не воспринимая ее организацией, призванной защищать интересы рабочих или каких-либо других слоев советских трудящихся.

Более того, они оказались на редкость не восприимчивыми к какой-либо пропаганде идей любого из левых, традиционно марксистских и не марксистских «не авторитарных» и «либертарианских» направлений.

Если внимательно вспомнить события тех дней и лет, то можно припомнить левых активистов различных идеологических течений, приезжавших к шахтерам и проводившим среди них агитацию;

При чем не только сталинистов из ОФТ, если их вообще можно назвать левыми.

К шахтерам приезжали представители «Марксистской Платформы» в КПСС во главе с А.В. Бузгалиным, также весьма активно пытавшиеся оказать влияние на шахтеров, особенно на Съезде рабочих организаций в Новокузнецке в конце апреля 1990 года, и убедить их в том, что «рабочее самоуправление» является как раз единственным средством обеспечения коренных интересов рабочего класса и, следовательно, должно быть и целью рабочего движения.

Можно и нужно обязательно вспомнить небольшую партию под названием ПДП-МРП (Партия Диктатуры Пролетариата – Марксистская Рабочая Партия), активисты которой, например, Григорий Исаев из Куйбышева (между прочим, сидевший в советских лагерях за попытку создания новой рабочей партии), были участниками протестного рабочего движения, и даже

в ряде случаев стали организаторами массовых рабочих акций, и которые также выступали с социалистических (но не про советских!) и самоуправленческих позиций.

Были супруги Ракитские, традиционно, еще с советских времен агитировавшие за рабочее самоуправление и рабочую демократию и называвшие советский строй «фашистским».

Были даже иностранные активисты, в том числе и депутат британского парламента от левого крыла Лейбористской партии, Терри Филдс, специально приехавший на Съезд рабочих организаций в Новокузнецке в апреле 1990 года для того, чтобы предупредить советских рабочих против «слепой веры в капитализм», и которого участники Съезда откровенно высмеяли устами В.Голикова, одного из шахтерских лидеров и Председателя Совета рабочих комитетов Кузбасса, зачитавшего под смех присутствующих записку, поданную из зала: «Президиум ввел делегатов в заблуждение: на съезде присутствуют не два представителя от ЦК КПСС, а три – за счет члена английского парламента...».

Между прочим, по своему составу Съезд был подлинно рабочим, т.к. именно они, люди физического труда, в том числе шахтеры, составили не менее 69 % его участников.

Были анархо-синдикалисты, причем А. Шубин, также активный участник событий того времени, особо выделяет анархо-синдикалистский «уклон» в шахтерском движении, и прежде всего в решениях и резолюциях, принятых III Конференцией Союза рабочих комитетов, который преобразовался в Союз трудящихся Кузбасса, а затем в решениях IV Конференции Союза трудящихся Кузбасса, состоявшейся в ноябре 1989 года.

На этой конференции были приняты резолюции, объявлявшие коллективную собственность на средства производства как отвечающую коренным интересам трудящихся, в том числе и шахтеров.

Однако о том, как такая собственность будет функционировать на деле, не было сказано ничего определенного, кроме того, что коллективы будут обмениваться продукцией через оптовую торговлю (!!).

Был ряд независимых профсоюзов из других регионов, например, Межрегиональная Ассоциация «Независимость» («Демократическое Рабочее Движение»), лидеры которого выступали за рабочую демократию и против бюрократизации и излишней политизации нового движения и за его независимость от тогдашних политических партий и движений, как «старых» (КПСС), так и нарождавшихся, «демократических».

Активисты «Независимости», к которым принадлежал и автор данной статьи, участвовали в создании ряда шахтерских профсоюзов в некоторых регионах, в тех же Кузбассе, Донбассе, на шахте «Воргашорская» в Воркуте, выступали за автономность рабочего движения от политических тенденций того времени, в том числе и от либерально настроенных «демократов».

Все те организации и их представители несли в массы свою правду, свои концепции социализма, рабочей демократии и самоуправления, пытались разъяснить шахтерам суть их же, шахтеров, коренных интересов.

Одна из основных идей, которую большинство их них (за исключением ОФТ и ряда троцкистов) пыталось донести до шахтеров, заключалась в том, что СССР и бывшие страны так называемого «реального социализма» вовсе не были социалистическими по сути, и что СССР представлял собой общество, где рабочий класс, «непосредственные производители» всех отраслей экономики занимали подчиненное положение в обществе, и что «непосредственные производители» должны занять то место, которое им в конечном счете отведено историей, то есть место хозяина и распорядителя продукта, создаваемого ими, а следовательно, и всего общества, через самоуправление и широкую рабочую демократию.

Однако большинство шахтеров и их лидеров в конечном счете оказались глухи к их пропаганде, увещаниям, доводам.

Несколько слов также и о силе слова, о магических в то время словах - рынок и «рыночная экономика». В целом, вспоминая те времена, и основную направляющую и движущую силу, или «вектор» общественного развития того времени, как говаривал М.С. Горбачев, можно отметить, что стремление к полномасштабному переходу на рыночные отношения, к хозрасчету, само окупаемости и само финансированию (но не самоуправлению!) в экономике разделялось тогда в том числе и шахтерами.

Впрочем, шахты Кузбасса и в предшествующий период были на хозрасчете, не имея даже статус государственных.

Но при этом в центр перечислялась огромная часть прибыли от реализации угля, а социальная сфера в угольных районах не развивалась, с продуктами и другими товарами становилось все сложнее.

Именно это и было реальным «социализмом» по советски к концу XX века, тем объективным фактором, который определял общественное бытие шахтеров, всего советского народа в той или иной степени.

А общественное бытие, как известно, определяет и общественное сознание.

Именно это бытие спровоцировало массовый протест трудящихся в СССР в конце 1980 х годов и стало главным объективным фактором, добившим советскую экономику и сам СССР и весь «восточный блок».

Именно оно, бытие советского человека, и подтолкнуло в дальнейшем, в период 1990-91 годов, шахтерское и рабочее движение к поддержке либеральных про рыночных программ, типа программы «500 дней», а также к поддержке Ельцина и политики «прорыночных» реформ, несмотря на все потуги левых и синдикалистских активистов самого разного калибра противостоят этой тенденции.

Идеи самоуправления, различного рода концепции «социализма», включая «демократический социализм», казавшиеся большинству советского народа мифами и идеологическими химерами, оказались не востребованными.

Слова «социализм» и «коммунизм» воспринимались в то время массами, в том числе и шахтерскими, как нечто, что они ассоциировали с всевластием бюрократии, с социальной несправедливостью, с привилегиями правящей партноменклатуры, с бесправием общих масс трудящегося населения в СССР.

Да и пример Польши и других стран «реального социализма» был весьма заразительным.

В Польше в тот момент «Солидарность» и Валенса брали власть под антикоммунистическими и прорыночными лозунгами и жестко диктовали свои условия правящей партии, что представлялось многим шахтерам чуть ли не примером подлинной рабочей демократии.

События в бывшей Югославии стали большим ударом для тех, кто был увлечен опытом югославского «самоуправления».

События же сначала в Китае, а затем в Румынии вообще поставили тогда практически точку на разговорах о социализме в официальной идеологии и сформировали на тот момент глубоко негативное его восприятие в сознании масс.

Всех, кто еще пытался говорить о «социалистическом выборе», о различных «моделях социализма», о социальном равенстве, воспринимали либо чужаками, оторванными от реальной жизни, либо опасными догматиками и даже преступниками.

Кроме того, всем было очевидно, что «социалистическая» экономика полностью прогнила и требовала замены ее чем - то, что было более эффективным.

Этим более эффективным и казалась «рыночная экономика», хотя ее механизмы представлялись весьма смутно, исключительно по картинкам обилия товаров в западных магазинах.

Ее, «рыночную экономику», хотелось иметь немедленно и побыстрее.

Желание рыночной экономики, хозрасчета и других сопутствующих атрибутов подкреплялось еще и таким столь близким многим из нас, столь «человеческим» психологическим фактором, как желание как можно быстрее воспользоваться «преимуществами» рынка, а проще говоря... обогащаться.

Об этом весьма убедительно пишет И. Шаблинский в своей книге «Рабочее движение и российская реформа», цитаты из которой уже приводились выше, по поводу «рыночного выбора» шахтеров: «речь - о глубоком, но подчас тщательно **скрываемом** (*выделение мое*) стремлении к обогащению, по крайней мере, к определенному повышению доходов за счет новых законных возможностей (экономическая самостоятельность, бартер, бизнес, и т.д.)».

Представляется, что именно в этом и заключается один из ключевых психологических моментов борьбы, приведшей к столь печальным для шахтеров и советского и российского рабочего движения в целом результатам.

Говоря словами одного героя известного фильма В.М. Шукшина, «народ к разврату был готов».

Смешно, но очень грустно то, что почти каждая профессиональная группа, занятая в то время в различных отраслях советской экономики, от управленцев до наиболее «сознательных» рабочих, была уверена в высокой рентабельности именно их отрасли, их конкретного предприятия.

Практически все они были уверены в том, что в случае наступления рынка наступит, во - первых, экономическое равновесие и решатся все экономические проблемы, и во - вторых, рынок вознаградит именно их отрасль и предприятие высокой прибылью и долгожданным благополучием, которого так не хватало на всех в СССР.

Шахтеры в этом отношении не были исключением.

Проводившиеся тогда, в 1990 году, руководством рядом шахт, уже в условиях «полной самостоятельности», операции по бартеру с некоторыми зарубежными партнерами, даже подкрепляли эти надежды.

В целом оказалось, к разочарованию сталинистов и прочих «пролетарских революционеров», что советский рабочий класс был не чужд коммерции, частной собственности, и других особенностей рыночных отношений.

А простодушные требования шахтеров усиления хозрасчета и самостоятельности для своих предприятий от союзного центра и одновременного увеличения союзного финансирования угледобывающей отрасли не могут не вызывать горькую улыбку.

Кроме того, реальный «хозрасчет» и «самостоятельность» диктовали большинству участников шахтерского движения и в целом общественных процессов того времени, что «табачок должен быть врозь».

Юрий Болдырев, слова и мнение которого представляют собой огромную ценность для понимания сути событий того времени, приводит пример шахтеров Кузбасса, бастовавших тогда вместе с украинскими угольщиками, отмечая, что «Кузбасс не хотел делиться доходами с Донбассом, - у нас была себестоимость угля до 170 рублей на тонну, у них – меньше 2 рублей, деньги перераспределялись через систему Минуглепрома Союза. Кузбасс хотел от нас избавиться, они думали, что станут миллионерами. Но они не понимали, что при капитализме действуют иные экономические законы, и их уголь, если его привезти по «капиталистическим» ж/д тарифам в морские порты, становится дороже, чем уголь, добытый в Австралии. Кто-то из них был хорошим забойщиком, но они попытались решить проблемы уровня выше их компетенции и не понимали, к чему ведут их действия. [<http://www.segodnya.ua/news/14062116.html>]

Грустно напоминать это сейчас, спустя 20 лет после событий того периода.

При этом шахтерам, как и всем советским труженикам, в массе своей весьма смутно представлялось, что это такое - «рынок» в масштабе всей страны.

Однако слово это завораживало.

Оно завораживало в то время все «передовое», «либеральное» общество страны.

Рынок рассматривался как панацея от всех экономических бед, как выход из усиливавшегося кризиса, как ключ к решению всех проблем.

Причем различные, весьма причудливые порой концепции рыночной экономики в той или иной степени разделялась всеми, но каждый, в

зависимости от классовой и социальной принадлежности, имел и различные цели и интересы.

Отметим, что шахтеры хотели не просто рынка.

Они хотели равноправного положения в обществе, получения возможности принятия решения по вопросам, представлявшим общегосударственное значение, через «рыночную экономику», через «рыночное регулирование», и т.д.

Они хотели, чтобы власть предрержащие с ними считались.

По большому счету, шахтеры через требования перехода к рыночной экономике преследовали свои классовые интересы, пытаясь, таким образом, окончательно покончить с элементами принудительного труда, свойственными советским производственным отношениям.

«Рыночная экономика», как «магистральная дорога мировой цивилизации», казалась единственным выходом из кризиса позднего советского времени.

Ее, рыночную экономику, хотелось иметь немедленно и побыстрее.

За равноправие в обществе через расширение рынка и за новый миф о «народном капитализме» и боролись шахтеры в конце 1980 х годов.

Однако, «рынок», полученный в результате борьбы, оказался несколько не тем, о котором мечталось, о чем будет сказано ниже.

Глава 6

Чего хотели и что получили в реальности шахтеры, или некоторые грустные факты современного положения шахтеров в России и в мире

Что же на сегодняшний день получили шахтеры в результате своей героической борьбы в период 1989-91 годов?

Стали ли полноправной частью населения?

Стали ли лучше жить ?

Вот некоторые факты и цифры для сравнения:

данные по производственному травматизму, о которых сообщали и продолжают сообщать средства массовой информации и ГОССТАТ, МЧС и [Ростехнадзора](#):

с начала 2009 года по август на угольных шахтах Кузбасса погибли не менее тридцати человек ;

на угледобывающих шахтах Кемеровской области с начала года произошло четыре крупные аварии. Авария на шахте №12 в Киселевске, где 17 августа, по предварительным данным, погибли три горняка. Эта авария стала пятой с начала года ;

согласно данным [ИА REGNUM](#) со ссылкой на различные государственные источники, по итогам семи месяцев с начала 2009 года, в ЧП на кузбасских шахтах пострадали 42 человека, в том числе 12 были травмированы смертельно;

в целом по угольной промышленности в Российской Федерации за год в среднем в результате несчастных случаев на производстве погибает до 40 человек, а ранения и травмы разной степени тяжести получают сотни работников шахт.

Всем нам памяты и крупные катастрофы на российских шахтах последних нескольких лет, в результате которых погибли десятки людей.

Одной из «эффективных» мер правительства, направленной на «решение» проблем угольной промышленности после одной из таких катастроф в марте 2007 года на шахте «Ульяновская» в Кемеровской области, было введение в район Кемерова и других шахтерских городов и поселков подразделений спецназа МВД – на всякий пожарный, так сказать.....

Приведенные выше факты и данные если и сопоставимы со статистикой советского периода, то с признанием одного факта – тогда, в СССР, подобный уровень травматизма был бы предметом обсуждения на государственном уровне, и на соответствующем уровне, то есть на уровне государственных органов, были бы приняты соответствующие меры, «эффективные» или не очень.

В СССР явление производственного травматизма имело место быть, в чем нет сомнений.

Однако уровень решения проблем, связанных с производственным травматизмом, в СССР имел несколько другой характер по сравнению с современным нам периодом, периодом «свободной рыночной экономики» и наличия класса «эффективных собственников».

Средняя зарплата по шахтерским районам: она весьма значительно варьируется в зависимости от рентабельности той или иной шахты или района угледобычи, а также, видимо, от «эффективности» собственника.

Но в целом, она не превышает 15 тысяч рублей в месяц, что кажется странным на фоне советских 400 и более рублей в месяц, получаемых шахтерами в СССР, с учетом возможности советских тружеников на такие деньги съездить на курорт на Юге СССР или на экскурсию в столицу и крупные исторические центры «нашей великой советской страны», или, на худой конец, за шубами в Ташкент.

На некоторых шахтах в последнее время говорят об увеличении зарплаты аж до 20 тысяч, например, в Киселевске.

Это не может не вызвать некоторое «умиление» по поводу «заботы» эффективных собственников о шахтерах.

Все это кажется «странным» также на фоне того, что российский уголь по прежнему продается на зарубежных рынках, прежде всего западноевропейском.

Впрочем, роль «эффективных собственников» заключается не в том, чтобы заботиться о работниках.

Видимо, она - в чем-то другом, и это несколько запоздало понимают сейчас сами шахтеры, все «непосредственные производители», по крайней мере, наиболее сознательная их часть.

Символом несправедливости стала система оплаты труда шахтеров, когда большая часть их заработной платы зависит от объема выработки угля.

При этом только треть зарплаты является фиксированной ставкой, которая в зависимости от специальности шахтера, его стажа и квалификации колеблется в среднем от 8 до 12 тыс. руб.

Еще один аспект современного положения шахтеров в отрасли и в обществе в целом, о котором необходимо упомянуть: имеют ли шахтеры или их представительные органы, прежде всего профсоюзы, возможность оказывать влияние на принятие решений по поводу производства, по поводу реализации выпущенной продукции, по поводу распределения прибыли, то есть на ту сферу, которую шахтерское движение в период 1989-1991 г.г. считало основной с точки зрения интересов шахтеров?

Думаю, что ответ на эти вопросы будет однозначным – не имеют.

Всем этим кругом вопросов занимаются исключительно так называемые «эффективные собственники», то есть реальные хозяева угольной промышленности, в числе которых можно без особого труда обнаружить и бывших директоров шахт и угледобывающей отрасли советского периода, а также губернаторов и других участников «властной вертикали», например, господина Тулеева, бывшего члена ЦК КПРФ, который был столь популярным среди шахтеров в 1989 году.

Имеют ли шахтеры какой-то вес или, говоря несколько иначе, считаются ли с их мнением при принятии решений в отношении производства и распределения прибыли в настоящий момент?

Думаю, что в целом и здесь ответ однозначен – нет.

Шахтеры занимают то положение в современном российском обществе, которое им отведено в силу объективных условий разделения труда – абсолютно подчиненное.

Как видим, «завоевания» шахтеров - несколько не те, которых они добивались двадцать лет назад.

Интересно, что нефтедобыча и тогда расширялась и как отрасль находилась в более выигрышном положении по сравнению с угледобычей.

Работники нефте и газовой промышленности в СССР особо не роптали в то время, хотя и в этих отраслях были попытки организации забастовок и акций протеста.

Однако они никак не выделялись на фоне того, что случилось с угольщиками.

Глава 7

Некоторые выводы, которые могут показаться поспешными и слишком категоричными, а также кое-что о современном состоянии угольной и горной промышленности во всем мире, и о рабочем протесте, которого нам так не хватает сейчас в России

Таким образом, можно сделать некоторые выводы в отношении причин акций протеста и массового забастовочного движения периода 1989-1991 годов:

Основной объективной причиной можно считать ухудшение экономической ситуации в СССР, что нашло свое отражение в снижении уровня жизни большинства населения во всех советских республиках;

субъективной причиной роста забастовочного и протестного движения, хотя и не единственной, можно считать нежелание огромных масс населения мириться со снижением своего уровня жизни на фоне завышенных ожиданий на волне Перестройки, многочисленных обещаний, даваемых населению и рабочему классу партийным руководством страны в отношении улучшения ситуации в экономике и социальной сфере, на фоне разочарований от провалившейся социальной политики руководства СССР, и недовольства открывшимися фактами наличия экономических и социальных привилегий правящего слоя СССР – «партхозноменклатуры».

Безусловно, была уверенность в том, что именно шахтеры - угольщики станут тем тараном, который поможет добить монополию КПСС на власть и привести к власти новых руководителей, которые учтут требования и чаяния шахтеров.

При этом события 1989 – 91 годов можно назвать периодом «буржуазно-демократического подъема», в котором рабочий класс сыграл невольную роль основной силы в свержении отнюдь не социалистического режима КПСС, а также роль невольного помощника региональной (республиканской) части правящей советской бюрократии («хозноменклатуры») в ее взятии власти у союзной бюрократии.

Впрочем, российскому рабочему классу не привыкать – он уже помог в свое время, в более ранний период советской истории, придти к власти «Новому Классу», ряды которого в основном и пополнялись из среды городских рабочих.

Данные процессы были объективными и predeterminedными предшествующими социально-экономическими процессами, как это не печально звучит для некоторых «пролетарских революционеров» и левых активистов, для тех, кто убежден, что в истории есть место, в определенные периоды даже решающее, субъективному фактору.

С точки зрения системного подхода процессы того времени также можно рассматривать как «период нарушения равновесия системы», «период бифуркации», и т.д.

Вряд ли, однако, можно рассматривать описываемые процессы как смену «способа производства» в марксистском понимании этого слова, ибо он, способ производства, по сути, остался тем же.

По сравнению с советским временем, изменились только некоторые формы распоряжения и владения собственностью, после того, как реальные «эффективные собственники» закрепили за собой (присвоили) те из них, которые сложились уже в СССР.

Этими реальными «эффективными собственниками» выступает все та же советская бюрократия («хозноменклатура»), которая была порождением советского периода истории.

Данный социальный слой занимает определенное положение в объективно сложившемся разделении труда, при этом, однако, являясь зависимым от экономической ситуации в стране и в мире и от положения в социальной иерархии российского общества, где определяющую роль играет узкая прослойка высшей государственной бюрократии во главе с очередным ее выдвиженцем (в настоящее время таковым в реальности является В. В. Путин, несмотря на наличие «дублера» Д.А. Медведева, который возник как результат «хитроумного» маневра правящей бюрократии, направленного на успокоение новой социальной общности в России - «электората»).

После мощного подъема в период 1989-90 годов рабочее движение претерпело спад, совпавший с углублением кризиса в 1991 году и с началом реформ 1992-1999 годов.

Проходившие после начала реформ акции протеста носили уже другой характер.

Официальные данные о забастовках в России в период 1990-1999 г.г.

Год	Число предприятий, на которых проходили забастовки	Число вовлеченных работников		Количество потерянных рабочих человеко-дней		Среднее количество потерянных рабочих человеко-дней на одного участника забастовки
		Тысячи	В среднем на предприятие	Тысячи	В среднем на предприятие	
1990	260	99.5	383	207.7	799	2.1
1991	1755	237.7	135	2314.2	1319	9.7
1992	6273	357.6	57	1893.3	302	5.3
1993	264	120.2	455	236.8	897	2.0
1994	514	155.3	302	755.1	1469	4.9
1995	8856	489.4	55	1367.0	154	2.8
1996	8278	663.9	80	4009.4	484	6.0
1997	17007	887.3	52	6000.5	353	6.8
1998	11162	530.8	48	2881	258	5.4

Источник: Российский статистический ежегодник, 1999.

Заметна динамика роста протестных действий трудящихся в тот указанный период времени, но в целом это были либо оборонительные акции, либо акции отчаяния в условиях длительных невыплат зарплат, за исключением всероссийских протестов 1998 года, в которых угольщики играли существенную роль.

Шахтеры – угольщики в 1998 году вновь попытались сыграть роль некоего тарана, способного повлиять на политические решения в российском обществе после дефолта того года.

Результатом стали перегруппировка в рядах правящей бюрократии и выдвижение из ее рядов новой кандидатуры, которая должна была возглавить процессы управления обществом на определенный политический срок.

Итогом борьбы шахтеров вновь стала вовсе не их победа как решающей силы, определяющей эволюцию общественно-экономической системы российского общества, а демонстрация ими силы, подчиненной интересам правящего класса, которой можно, как оказалось, весьма успешно воспользоваться в своих корыстных интересах.

Можно для сравнения и с целью подтверждения несколько категоричных выводов, сделанных автором данной статья, привести факты состояния угольной промышленности и соответственно положения шахтеров в других странах, в том числе и в бывших странах так называемого «реального социализма».

Польша была одной из первых стран, где шахтеры, вместе с другими категориями промышленных рабочих, например, судостроителями, составили основу движения за «рыночные» реформы и борьбы против правящей партии «коммунистов» (ПОРП).

Положение в угольной промышленности Польши на данный момент вызывает некоторое «недоумение» - в Силезии осталось не более 10 % тех мощностей угледобычи, что были в этой стране к 1991 году, да и те постепенно закрываются.

Польские шахтеры, правда, пытались протестовать, в том числе и путем обращения к «совести» власть предержащих («разве за это мы боролись?»), и путем уличных демонстраций, приводивших неоднократно к жестоким уличным столкновениям (события в Варшаве и других городах осенью 2006 года), но, тем не менее, угледобывающая промышленность в этой стране доживает свои последние дни.

В Румынии шахтеры - угольщики были застрельщиками протестов еще в период Чаушеску – волнения в шахтерском районе Валья Жиулуй имели место в 1977 году.

В период после свержения Чаушеску и «коммунизма», в 1989-1991 годы, шахтеры стали предметом игр политиков разного толка, прежде всего Илиеску и других бывших «коммунистов».

Румынские шахтеры также как и в России, стали тараном, который помог некоторым политикам прийти к власти и на какое - то время остаться там.

Когда шахтеры стали не нужны политикам, и когда выяснилось, что угольная промышленность в целом нерентабельна, интересы шахтеров были попросту проигнорированы, и угольные шахты стали в конце 1990 х годов закрывать, в том числе и под давлением бюрократии ЕС, куда Румыния так стремилась (и наконец, вступила туда в 2007 г.).

Мощные шахтерские протесты 1999 года, хотя и запоздалые, против закрытия шахт и ликвидации угольной промышленности в условиях «углубления рыночных реформ» были жестоко подавлены, их лидеры (Мирон Козма и др.) были заключены в тюрьмы, и угольной промышленности пришлось пройти путь реструктуризации, в результате которой от нее практически ничего не осталось.

Судьба угольной промышленности Украины также драматична.

Украинские шахтеры сыграли одну из решающих ролей в движении двадцатилетней давности, пытаясь координировать свои действия с горняками Кузбасса.

Горняки же Кузбасса очень скоро, в рамках, так сказать, «хозрасчета и экономической самостоятельности», стали преследовать свои собственные цели.

Неудивительно, что вскоре и донбасские горняки, на волне политизации движения, выступили за независимость Украины от союзного центра.

Донбасские горняки также во многом повторили судьбу всесоюзного шахтерского движения, также стали разменной монетой в играх местной и украинской элиты, также стали не нужны политикам, когда те достигли кое-каких своих целей.

В 1996 году попытка горняков Донбасса провести протестные акции против многолетних невыплат зарплат с перекрытием железных дорог в районе была жестко пресечена властями, а кое-кто из шахтерских лидеров угодил в тюрьму.

Шахтеров уже не боялись.

С ними можно было больше не считаться.

Положение на украинских шахтах также драматично, как и на российских; высок уровень травматизма и катастроф; экология в районах угледобычи также является огромной, практически неразрешимой проблемой.

Еще большее «недоумение» вызывает положение угольной промышленности в такой традиционно угледобывающей стране, как Великобритания, где мощная стачка угольщиков в 1984-1985 г.г. против закрытия шахт и против правительства консерваторов во главе с М. Тэтчер привела к совершенно противоположному результату – разгрому профсоюза угольщиков и резкому сокращению доли угольной промышленности в британской экономике.

При чем шахтеры, которые были известны в Британии на протяжении всего XX века своими мощными традициями борьбы и могли позволить себе запросто отправлять в отставку неудобные им правительства (в основном консерваторов, но и лейбористам периодически доставалось), оказались не нужны не только консерваторам, но и всему обществу, в том числе и лейбористам, а также британским профсоюзам, которые в своей массе не поддержали забастовку угольщиков в 1984 году.

От когда-то страшного для власть предержащих профсоюза британских угольщиков почти ничего не осталось, кроме названия, а их популярный в 1970-начале 80 х г.г. году лидер Артур Скаржил оказался предоставленным самому себе.

После поражения шахтеров настало время «собираения камней» и для остальной части британских профсоюзов, которые потерпели ряд

стратегических поражений во время других, более поздних по времени, трудовых конфликтов.

В 1990 е годы власть в Британии уже не боялась массового рабочего движения, которое к тому времени лишилось своего авангарда в лице шахтеров.

Интересно то, что настроения британских горняков в момент подъема их активности в начале 1980 х г.г. были явно не про либеральными и про капиталистическими, т.к. они жили не в «социалистической» стране, типа СССР, Польши или Румынии, и не понаслышке знали, что такое «рыночная экономика».

Тем не менее, британское правительство консерваторов оказалось не столь бездушным к нуждам горняков, как сменявшие друг друга в 1990 е годы российские правительства, и оказало тогда существенную финансовую поддержку профессиональной переподготовке работников закрывающихся угольных шахт, и даже способствовало переезду в другие районы тех шахтеров и их семей, которые пожелали покинуть традиционные угольные районы.

Впрочем, Англия не Россия.

Угольная промышленность Британии оказалась нерентабельной также на фоне открытия месторождений нефти в Северном Море, резкого снижения доли угля в общей массе используемых британской экономикой энергоносителей, и более дешевого угля, ввозимого из других стран, которыми оказалась, в том числе и «пореформенная» Россия.

Все эти проявления протестной активности угольщиков в указанных странах были хотя и мощными, но не скоординированными и не синхронными, локальными по своему проявлению, что говорит о том, что с интернационализмом в рабочем движении на «современном этапе» как-то напряженно.

Вопрос, однако, в том, когда с ним было «не напряженно».

Нечто похожее произошло в 1970-90е годы в США, Бельгии и других странах, где доля «экономики услуг» увеличивалась, а доля угледобывающей промышленности и других отраслей «первичного сектора» соответственно быстро сокращалась.

В Бельгии, например, в традиционных угледобывающих районах Валлонии угледобыча практически сведена на нет.

В Японии еще даже ранее, чем в других странах, в 1950-60 е годы, угольщики были одним из наиболее активных отрядов рабочего движения.

Годовая забастовка на шахтах Миякэ в 1961-62 годов, сопровождавшаяся жестокими рукопашными схватками с полицией и с корпоративными охранниками, массовой профсоюзной компанией солидарности по всей Японии и актами гражданского неповиновения по всей стране, привела к частичным уступкам шахтерам и... к финальному разгрому профсоюза горняков!

С того момента начинается период постепенного спада организованной и массовой борьбы японских наемных работников и упадка профсоюзного движения в целом.

С 1974 года прекращаются ежегодные так называемые «весенние наступления трудящихся» Японии, и в 1980 е годы прекращает свою деятельность одно из самых боевых профсоюзных объединений – СОХИО.

При этом практически полностью в недрах Японии истощаются запасы угля, и вся японская экономика переходит на нефть и газ.

Тем не менее, шахтеры, причем не только угольщики, если понимать этот вид деятельности в более широком смысле, продолжают играть важную роль в рабочем и общественном движении там, где доля добывающих отраслей в экономике остается сравнительно большой.

Например, в некоторых странах Латинской Америки, особенно в Боливии и Чили, по прежнему высока протестная активность шахтерских организаций.

Более того, шахтерское движение в Латинской Америке как нигде, наверное, политизировано.

В Боливии шахтеры способствовали приходу к власти два года назад Эво Моралеса, который хоть и левый политик и представитель автохтонного индейского населения страны, и сам в прошлом профсоюзный лидер, но уж очень это напоминает предыдущую историю участия шахтеров в прокладывании пути в политику различным популистским деятелям.

Правда, в этой стране шахтеры часто вступают в конфликт не только уже с левым правительством Моралеса, но и друг с другом, как это показали события в провинции Кочабамба в 2007 году.

Несколько иная картина в Чили: часть шахтерских профсоюзов была в свое время настроена против правительства социалиста С. Альенде в начале 1970 х г.г., но затем, после известных событий 1973 года, активно и даже яростно выступала против диктатуры А. Пиночета.

В настоящий момент шахтерские профсоюзы Чили, прежде всего профсоюзы работников медной и других отраслей, как правило, выступают против правительственной политики модернизации шахт, даже несмотря на то, что в Чили в настоящий момент у власти социалисты.

Горняки там являются одним из наиболее активных элементов рабочего движения.

Высок как, пожалуй, нигде уровень протестной активности шахтеров и их профессиональных организаций в ЮАР и некоторых других странах Африки.

Шахтерские профсоюзы там, тем не менее, далеки от воспевания рыночной экономики и ее «преимуществ», так как на своем опыте почти каждый день убеждаются, что интересы «эффективных собственников» весьма, мягко выражаясь, далеки от интересов самих шахтеров.

Впрочем, и в ЮАР отчасти воспроизводится старая картина – шахтеры поддерживают «левое» правительство АНК, которое по большому счету мало что делает для кардинального решения многих проблем горной промышленности, и прежде всего по улучшению условий труда и снижению доли травматизма, а предметом гордости правительства ЮАР является то, что «раньше не меньше тысячи шахтеров погибали на шахтах за год, а теперь только (!) 200» [Доклад Табо Гази, представителя правительства ЮАР на Конференции по промышленной безопасности, прошедшей в Санкт Петербурге в мае 2009 года].

Известно также, что и в России доля угледобычи в производстве энергоносителей также неуклонно снижается, хотя и намного медленнее, чем в странах Западной и Восточной Европы.

В топливно-энергетическом балансе (ТЭБ) России доля угля в исторической динамике, согласно последним данным, в 50-е годы достигала 65%, в 60-е годы - 40-50%. В 70 - 80-е годы угольное топливо было вытеснено нефтегазовым, и в настоящее время доля угля в ТЭБ России составляет лишь 12 - 13% , а в топливном балансе теплоэлектростанций - примерно 25%. В настоящее время в ТЭБ России на газ приходится 49%, нефть - 32%, уголь - около 13%.

Целые угледобывающие регионы России оказались в 1990 е годы подвержены процедурам реструктуризации, например Воркута и воркутинский регион, и не только он.

Некоторые экономисты, правда, утверждают, что роль угледобычи будет возрастать, в том числе и в силу дешевизны добычи угля в России, однако в условиях мирового кризиса и роста доли нефти и других источников энергии в ТЭБ такое утверждение кажется сомнительным.

Эти факты и цифры говорят о многом, в том числе и о размывании социальной базы массового шахтерского движения.

И не только его, но и всего рабочего движения эпохи «Второй Промышленной («электротехнической») Революции».

Вышеприведенные факты говорят о том, что интересы у рабочего движения в эпоху производительных сил «второй промышленной революции» в разных странах и даже регионах одной и той же страны могут быть разными, а их проявление - несинхронным, даже несмотря на кажущуюся близость классовых интересов составляющих этого движения.

Это, в свою очередь, говорит о том, что роль традиционного промышленного рабочего класса как субъекта революционных преобразований в XXI веке может и должна быть подвергнута пересмотру, как бы спорно и не по «марксистски» это не звучало.

Глава 8

Что в России?

В отношении же активности российских шахтеров в последние восемь-девять лет можно только покачать головой и еще раз глубоко задуматься над ролью промышленного рабочего класса в современном нам обществе.

После мощного подъема в период 1989-91 годов шахтерское и рабочее движение в целом пережило спад, который совпал с углублением кризиса в 1991 году и с началом реформ 1992-1999 годов.

Проходившие тогда акции протеста носили уже другой характер.

Это были либо оборонительные акции, либо акции отчаяния, за исключением шахтерских протестов 1998 года, совпавших с последним всплеском политизации в российском рабочем движении, в тот раз по иронии анти ельцинской.

Начало 2000 х годов явило уже совсем другую картину – о каких-либо массовых протестах ни среди шахтеров, ни среди других слоев наемных работников было не слышно.

Шахтерский «конь», вставший на дыбы в 1989 - 90 годах, а затем проявлявший еще несколько раз норы, вдруг превратился встранное существо, покорно бредущее туда, куда ей велит хозяин!

Наступил период общественного молчания и ожидания «удвоения ВВП» к 2010 году.

Можно конечно объяснить этот факт тем, что «протестные акции проходят периоды подъемов и спадов».

Но как объяснить невероятную популярность вставшего «у руля» государства бывшего подполковника КГБ, которая достигла к 2007 году запредельных общественных рейтингов, в том числе и среди рабочих промышленных предприятий?

Вера населения, в том числе и масс наемных работников, в то, что этот невысокого роста, лысоватый человек, о котором никто ничего толком не знал до 1999 года, с его характерной манерой изъясняться и произносить публично фразы «полублатного» стиля, «наведет порядок», «обуздает олигархов», «да и не пьет!» и т.д., поражает!

Даже сейчас, по данным последних социологических опросов, эта популярность высока и почти не поколеблена наступившим «вдруг» кризисом.

Причины путинской популярности находятся явно не в плоскости классовых противоречий, а в чем-то другом.

По всей видимости, этот феномен – часть исторически сложившихся глубинных особенностей социальной и этнической психологии, которые причудливым образом накладываются как мощный компенсирующий фактор на объективную неспособность масс наемных работников, всех их категорий, изменить каким-либо образом ту катастрофическую ситуацию, которая сложилась в России в период 1990 х годов.

Хотя события на шахте со странным названием «Красная Шапочка» в районе Северного Урала в начале 2008 года говорят о том, что такое молчание может длиться не бесконечно.

Кроме того, в России есть все же факты протестной активности, которые явно выпадают из общей картины «всемирного молчания».

Одним из таких фактов является борьба за свои права рабочих завода Форд в Ленинградской области, и некоторые другие факты.

Но и это - очень редкие в современной России проявления протеста, которые, вопреки опасениям властей и надеждам левых активистов, не оказывают пока в нашей стране благотворного воздействия на активность масс наемных работников, носящих служебные воротнички как «голубого», так и «белого» и других цветов.

Более того, автору данной статьи не раз приходилось сталкиваться с проявлениями враждебности среди наемных работников в Санкт Петербурге и Ленинградской области по отношению к попыткам проведения пропаганды в их среде необходимости создания профсоюзов, независимых от

работодателей, а также к распространению материалов, посвященных забастовкам на заводе Форда и других предприятиях.

Деятельность структур, например, Комитета солидарных действий профсоюзов СПб и Ленинградской области, возникшего в 2005 году в ходе немногочисленных трудовых конфликтов и попыток работодателей навязать работникам свои условия коллективных договоров, была направлена на проведение компаний солидарности, но не увенчалась успехом, если под ним понимать создание атмосферы широкой общественной поддержки трудовым коллективам, имевшим смелость бросить вызов произволу работодателей и государственных органов.

Одним из фактов современной нам действительности являются примеры массовой всероссийской протестной активности в последние годы, которые были продемонстрированы кем угодно, но только не работниками промышленных предприятий.

Так, в 2005 году такую активность проявили пенсионеры и инвалиды, выйдя на улицы российских городов протестовать против монетизации льгот.

Основная масса работников всех отраслей российской экономики осталась глуха к протестам, продемонстрировав таким образом, что их интересы в корне отличаются от интересов бывших работников, вышедших на пенсию.

Таким образом, можно еще раз отметить факт ограниченности возможностей рабочего движения и его способности к самоорганизации в конкретных исторических условиях.

Впрочем, эти условия оказывались ограниченными и в более ранние периоды советской и российской истории, например в период 1917-1929 годов, когда после «фабзавкомовского» периода 1917 -1918 годов и рабочих протестов периода Гражданской Войны и НЭПа наступил период длительной классовой «гармонии» по советски, приведшей к всевластию возникшего «нового класса».

Спад рабочего протеста в СССР сначала в 1990 е годы, а затем в период 2000 г.г. был вызван рядом причин объективного и субъективного характера.

Резкое ухудшение экономического положения в СССР к 1991 году, накануне его развала, и финальный коллапс советской экономики, как объективное условие, привели к резкому спаду рабочего движения и в целом массового протеста промышленных рабочих и других категорий наемных работников.

Промышленные рабочие и другие категории наемных работников, занятые в различных отраслях советской экономики, оказались не способны к

преобразованию экономики и общества до такой степени, о желательности и возможности которой неоднократно говорили классики социалистической теории (марксизма и анархизма).

Уровень самоорганизации и сознания советских наемных работников, а также работников «принудительного труда» советской колхозной системы и системы лагерей более ранних периодов истории, «непосредственных производителей», оказался недостаточным для осуществления революционных преобразований, прежде всего в **интересах самих «непосредственных производителей»**.

Советские рабочие, проявив в очень ограниченный отрезок истории мужество и решительность в борьбе против правящего класса СССР, оказались беззащитными перед лицом экономической необходимости в условиях кризиса и, в конце концов, сдались на милость союзной и национальной бюрократии советского происхождения и новой буржуазии, которая, как оказалось, проявила себя полностью зависимой от правящей бюрократии, выжившей и даже выигравшей от реформ 1992-1998 годов.

Можно также сделать вывод и о том, что нынешней кризис, не достигший еще «дна», выявит новые возможности и способности «непосредственных производителей» к объединению и самоорганизации, а также и к революционному преобразованию общества.

А может быть, и новые факты неспособности к ним....

Скоро увидим!

А пока шахтеры молчат.

Всем довольны?

Послесловие.

В январе 2009 года шахтерские районы Кузбасса посетил премьер-министр В.В. Путин.

Российское телевидение показало трогательные картины «душевных» бесед Путина с шахтерами и их семьями у них дома; посещение Путиным некоторых семей шахтеров и других жителей этого района, предоставление квартир нескольким нуждающимся шахтерским семьям, – все эти сцены

демонстративного «единения» с народом лидера «великой» страны могут говорить кому угодно что угодно.

Лично для автора данной статьи ясно одно – власть боится повторения событий периода 1989-91 годов и делает все от нее зависящее для их недопущения.

В том числе и в виде «хождения» ее высокопоставленных деятелей в народ и раздачи ценных подарков в виде квартир отдельным представителям нуждающегося населения.

Вроде как «Царь Всея Руси» идет в народ продемонстрировать свою любовь к нему, а народ отвечает ему взаимностью.

Этнографы и исследователи архаичных обществ называют такое и подобные ему явления «реципрокным обменом».

Но у власти есть и другие средства общения с народом, что мы неоднократно наблюдали в 1990 х- начале 2000 годов, а также наблюдаем и в последний год.

И еще один комментарий: Вячеслав Голиков, один из лидеров забастовки шахтеров 1989 года и бывший председатель Совета рабочих комитетов Кузбасса, дал интервью известному либеральному журналу «Новое Время» (№ 27 за 2009 г.), поделившись воспоминаниями и мыслями по поводу перспектив шахтерских протестов.

На вопрос журнала: «Возможны ли подобные забастовки сегодня?» В. Голиков ответил буквально следующее: «Я думаю, что повторения событий двадцатилетней давности не будет— **слишком изменилось качество жизни (!!!!! - Выделение мое)**. Более того, я думаю, что это даже хорошо для страны, потому что **повторение может быть трагичным (!!!!!!!!!)**. Но массовая активность, как ни парадоксально, стимулируется самой властью. Имея колоссальные доходы от нефти, депутаты Госдумы повышают чиновникам и без того немаленькие зарплаты. При том жутком воровстве, которое существует».

Эти слова вызывают некоторое недоумение: о каком качестве жизни говорит бывший лидер?

Факты, приведенные выше в данной статье, несколько не согласуются с его утверждением.

Кроме этого, если «повторения событий двадцатилетней давности не будет», а «массовая активность», как ни парадоксально, «стимулируется самой властью», то как согласуются эти два полярных утверждения?

И почему, если таких событий не будет, «это даже хорошо для страны, потому что повторение может быть трагичным»?

Трагичным в чем и почему их неповторение «хорошо для страны»?

А тогда было не трагично?

Вопросы, вопросы.....

Впрочем, ответ на них каждый может искать сам.

Юрий С.,

в 1989-2005 г.г. активист профсоюза «Независимость», участник компаний солидарности с бастующими шахтерами Воркуты, Кузбасса и Донбасса в период 1989-91 г.г., соучредитель Комитета Солидарных Действий Профсоюзов СПб и Ленобласти.

Источники и литература

1. Болдырев Юрий. Во время первых забастовок горняки были реальной силой. Почему же потом настал крах? Интервью на сайте <http://www.segodnya.ua/news/14062116.html>;
2. Борисов Вадим. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг). socnet.narod.ru/kollektives/ISITO/library/Books/borisov/1.htm;
3. Дороненко М. Забастовка шахтеров Кузбасса в 1989 году. Сайт РРП;
4. Мандель Дэвид. Забастовка шахтеров: впечатления, комментарии, анализ. 1989;
5. Медведев Рой. НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР В 1989–1991 ГОДАХ: НЕОЖИДАННОЕ НАЧАЛО. alternativy.ru/ru/node/741;
6. Российский статистический ежегодник, 1999;
7. Шаблинский И. Г. Рабочее движение и российская реформа. М., 1995;
8. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005;
9. Чернышевский Н.Г. Полн. Собр. Соч.;
10. [www .regnum .ru](http://www.regnum.ru)
11. Материалы Международной конференции по промышленной безопасности. Май 2009г. СПб;
12. «Новое Время», № 27, 2009 .

Сайт МРП <http://MarxistParty.ru>